

Доктор Болен

Первая любовь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Доктор Болен
Первая любовь

«Автор»

2026

Болен Д. Ц.

Первая любовь / Д. Ц. Болен — «Автор», 2026

Книга затрагивает временные рамки от конца социализма до наших дней. Состоит из трех частей, первая мистическая, как бы созданная автором в другой оболочке, далее, просто жизнь, как есть. Приятного прочтения.

© Болен Д. Ц., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая мистическая	5
Глава вторая жизненная	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Первая любовь

Глава первая мистическая

Эпиграф:

«-Штирлиц идет по коридору.

— По какому коридору?

— По нашему коридору.»

Максим Леонидович Панин, пожилой директор производственного предприятия, шел по серому коридору новенького бизнес-центра, щурясь от ярких диодных светильников. В голове он еще раз прокручивал основные тезисы спорных моментов в договоре с заказчиком, переговоры с которым только что закончились неудачей. Ругая про себя поколение новоявленных бизнесменов, которые не в состоянии постичь простые, миллион раз обкатанные формулировки договора, которые принимала даже Кока-кола, а они были те еще гады, он проклинал современное образование и этих зумеров, одним скачком, забравшихся, благодаря папенькам, на вершины финансовых Олимпов и оттуда начавшим диктовать всем свои дурные измышления, уровня пятиклассника.

Она вылетела на него из-за очередного поворота этого бесконечно унылого коридора со стремительностью голубей, взмывающих из-под ног на площади. Максим отстранился, покачнувшись назад, стараясь избежать столкновения, а она выставила вперед свободную растопыренную изящную руку с длинными ногтями, увешанную разнообразными кольцами и браслетами, защищаясь, другой рукой прижав к своей груди красную папку. Ее короткие кудри колыхнулись, черные, густо-накрашенные глаза расширились, а рот с тонкими губами раскрылся:

— Ах! — выдохнула она при столкновении, уронив папку. Максим Леонидович запоздало сделал маневр уклонения, еще больше раздражаясь на препятствие, возникшее на пути, и бормоча извинения, присел, подбирая разлетевшиеся листы. Он невольно задержал свой взгляд на стройных ножках, в черных колготках и алых туфлях на высоком каблуке, оказавшихся прямо перед его носом. Спешно поднявшись, он смущенно протянул высокой женщине ее папку, бормоча виноватым голосом извинения. Женщина, не сводя с него глаз, приняла папку, взгляд ее сменился с испуганного на удивленный:

— Ты? Ты! Это ты? — женщина той же ладонью придержала ускользящего мужчину.

Максим остолбенел — перед ним стояла его первая студенческая любовь, его Алина Калинина, только немного постаревшая, но такая же стройная, прекрасная и ослепительная, как 30 лет назад. Алина улыбнулась и прижала сильнее свою ладонь к куртке Максима:

— Боже мой, это ты, старый, седой, усищи вон какие себе отрастил, — она не сдержавшись, погладила его по щеке. Максим прижал ее холодную руку, своей, замерев и показав ей кольцо на безымянном пальце. Она немного запечалилась глазами, но собравшись, перевела свою руку снова на грудь Максима, удерживая его и разглядывая.

— Так значит вы тут работаете, Алина Михайловна? — Максим, начал разговор с самой банальной глупости, первой вылетевшей из его рта. Алина немного прикусила губу от такого топорного общения, но вдруг приняв решение, улыбнулась и сказав:

— Первый раз за 50 лет, я рада, что меня назвали Алина Михайловна! Да! А ты сейчас пойдешь со мной!

Предупреждая протест, выставленной ко рту Максима ладонью, она развернулась, просунула свою узкую ладонь под руку Максима и поволокла его обратно по коридору, откуда пришла.

— И не возражай! — добавила она требовательным тоном.

Максим повиновался, они прошли еще два поворота и очутились перед дверью с надписью Главный бухгалтер Калинина А.М.

— Проходи! — толкнув дверь, сказала Алина, освобождая его руку от своей, — и не вздумай сбежать!

— Ты снова Калинина? — ревниво намекая на череду мужей. Она толкнула его в кресло:

— Да, снова, дай мне пожалуйста 5 минут! — и бросив папку на стол, стала клацать клавиатурой на компьютере. Максим осматривал кабинет, на серых стенах стандартные репродукции с видами города, какие-то полудохлые цветы на окне, бездушная современная пластиковая мебель и аксессуары, никаких тебе кожаных кресел и письменных наборов с бронзой и малахитом, которые он привык обычно видеть в кабинетах руководителей

Алина закончила шелкать, победно ударив в последний раз по кнопке Enter и подскочила к шкафу, там она сменила красные туфли на черные полусапожки на каблуке, а Максим не удержался и посмотрел на ее икры, когда она застегивала молнию.

— Не подадите даме пальто? — Алина повернулась к нему, картинно расставив руки.

— С удовольствием! — суетливо вскочил Максим и выхватил из шкафа ее черное пальто, уронив при этом на пол вешалку. Надев на Алину пальто, Максим торопливо поднял вешалку, бросил еще одного косяка на стройные колготочные икры.

— Прошу вас! — раскрывая перед Алиной дверь, произнес он, коря себя, что ведет себя максимально скованно, неестественно и глупо.

Они вышли на улицу и сразу зажмурились от налетевшего на них порыва ветра с каплями ледяного дождя.

— В метро? — спросила Алина

— Нет, у меня машина тут у вас на стоянке! — натужно выдавил Максим. Он действительно не знал, что делать, растерявшись от внезапной встречи.

— Машина? — притворно удивилась Алина, — ну ведите меня в своей машине. Подойдя к большому белому джипу, она сказала:

— Я почему-то была уверена, что Максим Панин не будет ездить на Жигулях. Через пару минут они оказались на поливаемой мелким дождем улице, на которую уже спускались сумерки.

— Есть хочу, умираю! — проныла детским голосом «Главный бухгалтер со стажем», эта фраза, , расслабила Максима и он уверенно повел машину к знакомому ресторану Гинзы-проект, радуясь разрешению неопределенности. Они молчали, на протяжении всей дороги, как бы обдумывая темы для будущих бесед. Войдя в ресторан, они присели за столик и вооружившись меню, принялись их изучать, болтая, как муж и жена, которые просто пришли в ресторан поужинать

Заказав еду, они оглядывали еще пустой зал ресторана, не зная с чего начать беседу.

— Когда мы с тобой последний раз виделись? — начала Алина

— После твоей свадьбы, вроде через неделю — вспомнил Максим

— Ну да, я помню, как ты заявился, как ни в чём не бывало! А я ведь всю свадьбу ждала, что ты ворвешься и заберешь меня оттуда! — Алина пристально посмотрела ему в глаза. Максим отшатнулся от такого откровения. Их институтский роман развивался по всем правилам студенческой жизни при социализме: сначала учеба у обоих и работа у Максима, а потом уж всякие дискотеки, знакомства и поцелуи. Максим не сразу влюбился в Алину, она была слишком яркая для такого как он, о чем не забывали напоминать Максиму ревнивые однокурсники. Вокруг Алины же вращался постоянный хоромод каких-то земляков, кавалеров, офицеров

флота, по сравнению с которыми самые видные парни института выглядели бледно. Поэтому он придерживался с ней дружеских отношений, не надеясь на что-то большее. Но Алина как-то выделяла его из этой толпы ухажеров. Максим помогал ей с учебой, не замечая, этой женской хитрости и простого желания просто быть рядом с ним. Он гулял с ней в парках, водил на каток, а конкуренты водили Алину в рестораны, в кино на зарубежные фильмы, доставали какие-то талоны и чеки на заграничные шмотки. Алина всё это благосклонно принимала, но вернувшись с этих мероприятий, всегда забегала в Максиму, рассказать, где была и какие они все дураки. Максим, конечно, безумно ревновал, но старался не показывать виду, скрываясь за холодностью и равнодушием.

Так он промурлыжил ее три года, пока она однажды сама не призналась ему в любви, после одного из долгих расставаний, но поскольку из-за девичьей гордости она не могла прямо сказать Максиму:

— Я тебя люблю, давай поженимся! — она произнесла более обтекаемую фразу и, если бы у Максима было бы хоть немножечко побольше ума, чувствительности и такта, он бы распознал в этих пяти простых словах девичье признание в любви.

Тут им принесли еду, сгладив неловкость ситуации и выручая Максима от того потрясения, нанесенного ему Алиной своим признанием. Через минуту, они беззаботно болтали, орудуя приборами, Максим взял себе проверенную жаренную рыбу с пюрешкой и солеными огурчиками и простой капустно-морковный салатик, Алина же набрала тарелок с какой-то острой фасолью, баклажанами и грибами, которые поочередно пробовала, качая головой. Потом она обратила внимание на тарелку Максима и ловко подцепив кусочек рыбки, отправила себе в рот, тут же добавив туда и картошки с его же тарелки:

— Уммм! А у тебя вкуснее, чем у меня! — бесцеремонно подцепляя то маринованный огурец, то пучок капустного салата. Максим опустил вилку. Алина воспользовалась этим совершила рокировку тарелок, в результате которой перед Максимом оказалась темная фасоль в коричневой слизи и кривые серые грибы в белесом соусе.

— Попробуй, это вкусно! — убеждала его Алина, жадно поглощая его рыбку с пюрешкой. Максим положил вилку и сложил ладони в замок перед лицом, оперевшись локтями в стол. Уперев подбородок в руки, он с удовольствием наблюдал за насыщавшейся с аппетитом Алиной:

— Моя жена тоже ворует у меня еду в ресторанах! Говорит, что я всегда выбираю вкуснее! — совершенно не к месту сказал он. Алина совершенно не обиделась, на упоминание жены, подчищая тарелку. Доев, она как ребенок, не жеманясь, дудонила апельсиновый сок из длинного стакана.

— Рассказать, как я в тебя влюбился? — вдруг неожиданно для себя выдавил Максим Алина замерла со стаканом в руке, ей казалось послышалось, что этот всегда суровый, немногословный человек, произнес такие вроде бы обычные, но сокровенные слова. Она брякнула стаканом об стол и спросила:

— Что?

— Когда я первый раз тебя увидел на дискотеке, — начал Максим без предисловий, — я еще не влюбился в тебя по-настоящему, это случилось намного позже. Помнишь, как-то мы встретились с тобой в парке у Большого проспекта, уже стемнело, горели фонари, был мороз и ветер, летела сверкающая снежная пыль, икрясь в лучах фонарей, и эта снежная пыль окутывала тебя, а ты блистала глазами и все эти искры вокруг сказочно сверкали, и меня просто подкосило. Я ничего не мог тебе сказать, потому, что не знал, что со мной происходит, я просто обнял тебя, поднял вверх и кружил в этом волшебном сверкании снежинок, сверкании твоих глаз и лучах фонарей, а ты наверно подумала тогда, что я дурачок?

Максим перевел дух от выданного внезапно художественного откровения.

Алина смотрела на него и глаза ее сверкали звездами, как в тот день, потом он увидел, что в этих звездах наливаются сверкающие капли слез и Алина, наклонив голову потянулась за салфеткой.

Аккуратно вытирая глаза, она с дрожью в голосе сказала:

— Панин, тебе нет равных в том романтизме и теплоте, которые ты можешь создать буквально парой фраз, когда ты откровенен и не прячешься за маской Онегинского равнодушия

Она всхлипнула, прижав салфетку к носу, но спохватилась и вздохнув сказала:

— Я-то как раз всё поняла! Не поняла только почему ты продолжил дальше морозиться и не сделал предложение? Я несколько дней ждала тебя с букетом, репетируя своё согласие, представляешь? — Алина, вспоминая втянула воздух, стараясь не расплакаться. Максим почувствовал себя последним подлецом

— Ну ладно, дело прошлое! Не мог, так не мог! — закончила она и тут же продолжила:

— Ну а в 2007м что случилось? Ведь мог же встретиться, хотел? А?

— Хотел, но не хотел жену расстраивать! Ты должна понять!

В ресторанном зале уже было шумно, понабежало молодежи, которые бесцеремонно громко хохотали, гомонили, как школьники, носясь со своими телефонами по залу. Маленькие дети, приведенные в ресторан, пищали, плакали, смеялись. Алина поморщилась:

— Пойдем отсюда, я знаю, где можно уютно посидеть! Любишь кофе?

И взяв Максима под руку она повела его на выход. Через полчаса они заходили в маленькое кафе в старом доме. Внутри было всего 4 столика. Алина поприветствовала хозяйку и прошла в дальнее помещение, за штору, так стоял круглый дубовый стол с таким же полукруглым кожаным диваном. Они присели, сняв верхнюю одежду. Хозяйка, миловидная блондинка с большими серыми глазами, принесла меню, задержав свой взгляд на Максиме. Где-то он уже ее видел, но не мог вспомнить где. Посмотрев ей вслед, он заметил пару изящных танцевальных лодыжек, затянутых в телесные колготки

Алина положила ему руку на рукав и понизив голос, сообщила ему:

— Она бывший врач. Теперь ушла с работы, открыла кофейню на первом этаже, а на втором этаже у нее квартира. Правда удобно? Просунув под локоть вторую руку, она толкнула его в плечо кудрявой головой и на секунду прижалась.

— Ты знаешь, как я хотела просто прижаться к тебе всё это время? — сказала она, выпрямившись и посмотрев Максиму в лицо. — Ты даже не догадываешься! — произнесла она с горечью, снова прижавшись, она закрыла глаза

— Я до сих пор не могу отделаться от ощущения, что ты снова растворишься в воздухе и исчезнешь уже навсегда. — сказала она, сжав его руку — вот сейчас открою глаза и тебя снова нет.

Им принесли кофе, какое-то время они были заняты сахаром, ложечками, принесенными маленькими шоколадками. Согревшись кофе, Алина спросила с надеждой:

— А ты то хоть раз думал обо мне?

— Каждый день вспоминал твоё имя! Ты знаешь, но я тебя до сих пор люблю!

— Правда? — Алина подскочила на диване и протянула руки к лицу Максима. Тут из-за шторы показалась блондинка-хозяйка и Алина отдернула руки, потому что не к лицу женщине на пятом десятке юные эмоции.

Хозяйка сделала Алине какой-то таинственный жест, тревожно посмотрев на Максима.

Алина вышла за штору и Максим услышал ее неразборчивый горячий шепот, в котором можно было распознать только слово «Он!», она повторяла его часто, видимо убеждая в чём-то Алину

Максим посмотрел на часы:

— Еще полчаса и вечер встреч надо будет заканчивать! — подумал он. Наверно лет десять назад, он бы больше посвятил времени этой встрече, но сейчас он чувствовал, как всё

отгорело и ему просто жаль, что он такой старый, жалко было пролетевшей молодости, как и всем нам кажется, что в молодости мы чего-то не успели и не смогли.

Алина вернулась из-за занавески необычно напряженная, кидая на Максима подозрительные взгляды.

— Я сейчас только что узнала, что мы с тобой виделись в 12 году, только я тебя видела во сне, а ты меня наяву!

— Посмотри мне в глаза! Это был ты? Это был ты? Мне это важно! Это был ты? — настойчиво повторяла она.

Максим скривил губы в непонятной улыбке, как бы не понимая.

— Не молчи, ответь! — продолжала теревить его Алина. Тут из-за занавески вышла блондинка-хозяйка:

— Здравствуйте, Максим Леонидович, помните меня? — она сняла коричневый колпак с логотипом кофейни и густые пшеничные волосы расправились в длинное каре, — Я Алла Сергеевна, врач, которая дежурила тогда и дала вам разрешение.

Максим опустил руки под стол, опустил голову, как пойманный преступник и ответил:

— Вспомнил, Алла Сергеевна.

Алина побледнела, закрыв ладонью рот, она старалась подавить рыдания, но слезы брызнули из ее глаз и взревев, как по покойнику, она бросилась ему на грудь. Пальцы Максима погружались в плотную ткань ее платья, сдерживая рыдания. Утирая слезы двумя руками, Алина, причитая, рассказывала про свою болезнь, перемешивая свой рассказ бывшими мужьями, детьми, собаками и квартирами

Мальчик Максим с детства был странным человеком, в возрасте 14 лет он ощутил в себе странные способности. Как то на школьном выезде на колхозные поля их молодая учительница проколола ногу, наступив на брошенную беспечными колхозниками стальную борону, Максим снял с нее резиновый сапог и носок, кровь лилась ручьем, перемешиваясь с полевой грязью, учительница старалась не пугать детей, но боль видимо была дикая и она громко стонала, понимая, что до ближайшего медпункта десяток километров и трактор, наполненный собранной картошкой, только что уехал. Максим, повинувшись какому-то непонятному чувству, схватил ногу женщины в районе прокола и сильно сжал, училка пискнула, но сразу затихла, тревожно глядя на Максима. А он вдруг ощутил какую-то темную силу, проистекающую из ноги учительницы, рука занемела и покрылась мурашками, потом стала фиолетовой в крапинку, но Максим не отпускал, ведомый неведомой силой. Кровь остановилась, лицо учительницы расправилось, исчезла маска боли. Внезапно, откинув голову, учительница откинулась назад и упала на землю. Максим перепугался и отпустил ногу, но учительница только повела замутненным взглядом на детей и отключилась. Девочки запричитали:

— Она умерла?

— Нет! — уверенно ответил Максим, — она отдыхает!

Кровь уже не шла из раны и прокол покрылся бордовой коркой.

Скоро приехал очередной трактор и учительницу и несколько детей отвезли в деревенский травмопункт. А Максим стоял на коленях на земле, скрюченный от чудовищной боли в руке и плече. Не выдержав, он побежал к дренажной канаве и сунул горящую от боли руку в воду, прямо в куртке. К его удивлению, вода сняла чудовищную боль и он поднялся, отряхивая мокрыми руками грязь с колен. Сверху на него смотрела девочка с тонкими косичками и в красной шапке.

— Панин — ты феномен! — сказала она, когда тот поднялся наверх откоса.

— — Катька, отвали! — Максим был раздражен своим неконтролируемым состоянием и поражен произошедшим. Разумеется, дома он никому ничего не сказал. Пол ночи он не спал, боясь, что боль вернется, но всё прошло хорошо. Только учительница с того дня стала к нему как-то по-особенному относиться, сторонясь его, а потом вообще перевелась в другую школу.

Потом, будучи в браке, он снимал наложением рук с жены почечные колики и помогал во время беременности. Их сыну он снимал колики в животе и несколько раз просто спас ему жизнь, внезапно просыпаясь среди ночи и ловя ребенка, который решил среди ночи кувырнуться из кровати, чтобы бахнуть головой об пол. Таких моментов были десятки и Максим и семья уже привыкли к этим его способностям и жена даже оберегала мужа, терпя боль не давая себя «излечить», видя как его корежит в ванной под струей воды. А однажды она подсмотрела и с ужасом увидела, что прозрачная вода из крана, касаясь руки его мужа, меняла цвет на почти черный. Это ее напугало и Максим отправился на полное обследование докторами, которые, кстати ничего не выявили.

Однажды с Максимом случилось странное. Жена была с ребенком на даче, а он застрял с работой в городе. Максим запомнил тот день. Начинаясь он как обычный, но к вечеру, Максим стал ощущать, что должен сделать что-то важное кому-то далекому, неизвестному. К ночи ощущение усилилось. Завалившись в кровать, Максим, поворочавшись, уснул. Сон, который ему приснился, мгновенно обрисовал ему ситуацию и рассказал, что нужно делать. Вскочив, он умылся и подошел к зеркалу:

— Что же это, блядь? Я схожу с ума? — он потерял виски, но ощущение этого странного долга не исчезло.

— Ладно! Я просто проверю! — решил он. Максим спустился к машине и через полчаса оказался у Ракового корпуса на 2й Советской улице. Часы на башне пробили полночь, и он вошел в пустой приемный покой, проходя по пустым коридорам и лестницам он поднялся на четвертый этаж, открыл дверь четвертой палаты и подошел к одинокой кровати, на которой лежала тяжело дышащая молодая женщина. Стояла капельница, но она уже была пуста. Лицо женщины было почти черным от закрывавших его волос и болезни. Пересохшие полопавшиеся губы хватили последние глотки воздуха. Максим стоял, не зная, как поступить.

— Значит это правда? Значит всё сходится? — лихорадочно пронеслось в его голове.

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой? — раздался строгий голос за спиной.

Максим обернулся. Невысокая блондинка, в белом по фигуре халате и с длинными волосами, собранными в пучок, строго смотрела за него, уже протягивая руку, чтобы вывести незваного гостя вон.

— Спокойно! — неожиданно для себя уверенно сказал Максим,

— Я профессор Панин Максим Леонидович, мне сказали, что в этой палате подходящий безнадежный случай для испытания моего метода для лечения именно таких случаев. Мой ассистент сломал ногу, вы мне не поможете?

Как вас зовут?

— Алла Сергеевна! — молодая врачиха явно растерялась от уверенности и напора Максима

— Мне нужен комплект чистого больничного белья, попросторнее, ведро воды и ведро земли.

— Земли нет! — растерянно произнесла врачиха

— Там в коридоре фикус в горшке, принесите.

Врачиха убежала. Максим прикатил с коридора инвалидное кресло, поставив его рядом с кроватью больной, он снял с себя всю одежду, часы, кольцо и аккуратно сложил на стоящем рядом стуле. Вошедшая врачиха оторопела, увидев голого Максима, но он, протянув руку, строго приказал:

— Белье! — и тут же оделся, немного успокоив подозрения врачихи.

Подтащив к себе ведро с водой и фикус он сел в кресло, поставив всё это себе под ноги.

— Алла Сергеевна, теперь внимательно, возьмите сантехнические перчатки в туалете, наденьте, ни в коем случае не снимайте их, от этого зависит ваша жизнь. Цепочки, кольца лучше снять. Врачиха повиновалась.

— Так, теперь, что будет дальше, я возьму больную за руку, ноги мои будут погружены в ведро с водой, смотрите за водой, если вода начнет интенсивно чернеть, то всё в порядке, процесс идет, если не будет чернеть, а помутнеет, вы берете мои ноги в перчатках и переставляете в ведро с землей. Обязательно в перчатках. Вся операция должна занять не более 5-10 минут, результат вы увидите сразу, оттаскиваете меня от кровати и катите в ванну и заливаете водой из душа, пусть даже ванна наберется. Всё понятно?

— Простите, профессор, а что это за метод?- спросила врача.

— Энерготерапия! Мы как бы пропустим ее болезнь через меня и отправим в воду или в землю, в зависимости от того, водный она или земной знак по гороскопу.

(Справка. Во времена Чумаков и Кашпировских, вещавших с телевизора, народ был полностью дезориентирован!)

— Но ведь по дате рождения можно определить? — спросила еще раз врача.

— Запись в документах может быть ошибочна, а это проверенный метод.

— Черт, мы опаздываем, быстрее!

Больная забила в конвульсиях издавая последние предсмертные хрипы. Максим схватил исколотую капельницами руку Алины и закрыл глаза, поставив ноги в ведро с водой, несколько секунд ничего не происходило, потом лицо Максима потемнело и стало фиолетовым как у негра, а вода в ведре закипела, помутнев и зашипев, как от брошенной пригоршни соды. Максима била судорога

— Земля! — сквозь сжатые зубы крикнул он. Врачи бросилась на пол, переставлять ему ноги в ведро с землей. Как только его дрожащие фиолетовые ноги коснулись земли в горшке, от земли пошел пар и в воздухе стал разноситься запах горелой ткани и дерева. Максима трясло, как на электрическом стуле, его голова запрокинулась

Вдруг он перестал дергаться и стал опадать в кресле, съезжая вниз и клонясь, лицо и тело его посветлело, а вот белая больничная пижама и штаны потемнели и стали коричневого цвета.

Алла Сергеевна, поняв, что всё кончено, оторвала Максима вместе с креслом от больной и покатила его в ванну, придерживая за волосы, чтоб не завалился на ходу. Поднатужившись, она перевалила тело Максима через край ванны и стала поливать его холодной водой, приводя в чувство. С ужасом она увидела, что только что выданная ею пижама стала похожа на обгорелую бумагу, распадаясь на части от струй воды. Максим зашевелился и со слабой улыбкой, приняв у нее лейку, стал поливать себя из душа самостоятельно. Через 10 минут, вернувшись в палату, они увидели дымящийся фикус в полурасплавленном горшке и ведро с водой, от которой шел пар. Максим оделся, взял в сантехнических перчатках ведро с водой и отнес его в туалет, потом аккуратно вынес остатки цветка в коридор. Врачи открыла окно, проветривая палату.

— Как считаете, профессор, получилось?

— Посмотрим, сказал Максим, подняв руку Алины и нащупывая пульс. — странно, пульс редкий.

— Лицо Алины, лежащей на кровати было уже не черного цвета, а как слоновая кость, но с каждой минутой оно светлело, грудь ее вздымалась, дыхание становилось всё более ровным и спокойным, наконец больная открыла глаза и посмотрела на присутствующих, казалась она еще не различала предметы и вскоре устало их снова закрыла. Врач послушала ее через стетоскоп и передала стетоскоп Максиму:

— Послушайте вы, профессор, ничего не понимаю.

— Странно! Предлагаю подождать до утра! Я наверно должен пойти домой отдохнуть, завтра зайду. Пока не говорите никому обо эксперименте, сначала посмотрим результаты. Извините за сгоревшую пижаму, случай сегодня был чрезвычайный. Давайте уйдем, пусть она поспит. Уверен, что утром она уже будет на ногах.

Максим ушел, провожаемый растерянной молодой врачом. С первыми лучами Солнца, пациентка палаты номер 4 открыла глаза, медленно встала и подошла к окну. Голова ее еще

кружилась, но она с недоумением оглядывала палату, не понимая, как сюда попала. Выйдя из палаты, она, шатаясь пошла по коридору, хватаясь за стены, пока не дошла до поста медсестры.

Слушая причитанья Алины, он вдруг осознал, на какой риск он пошел тогда, повергнув свою жизнь опасности, чтобы снова оттолкнуть спасенную женщину

Бывшая врачиха Алла давно ушла к себе за стойку, а Алина всё хныкала и прижималась к груди Максима, намочив ему слезами рубашку. Вдруг она отстранилась и бросила Максиму главный упрек:

— Как ты мог меня бросить, после того, что сделал для меня?

— Не делай так никогда, пожалуйста! — большие черные глаза Алины с паутинками морщинок вокруг, с мольбой смотрели на него.

— Не буду! — соврал Максим, положив ей свою ладонь на ее круглые колготочные коленки, она с благодарностью в глазах, прижала его руки своими. Руки и коленки Алины были ледяными.

— Замерзла девочка? — подумал Максим и положив ей другую руку на плечо, прижал женщину к себе, согревая

Алина двумя руками потащила руку Максима по своим бедрам в колготках к лобку, задирая ей подол платья и порывисто задышав. Максим, не готовый к такому развитию сценария, не сразу, но уверенно вырвал свою ладонь из ее ледяных тисков. Член в его штанах уже увеличился в размерах и давил на ткань джинсов, как бы показывая себя.

— Давай не будем делать глупостей — попросил он внезапно охрипшим голосом, убрав и вторую свою руку с ее плеча.

Алина, поняла, что это отказ и резко встала:

— Панин, тебе нет равных в причинении боли тем, кто тебя любит! — отчеканила она, — не провожай меня! — она схватила с вешалки свое пальто и выбежала из кафе, зажимая рот рукой.

Максим остался сидеть, разглядывая свою пустую чашку из-под кофе. Потом тоже встал, накинул куртку и направился к выходу. Путь ему преградила блондинка-хозяйка:

— А, ну да! — Максим потянулся за кошельком, — сколько с нас?

Но блондинка отстранила его руку с деньгами:

— Поругались? — тихо спросила она, — мне нужно с вами поговорить, дорогой профессор. Она скользнула к двери и закрыв ее на защелку, повесила табличку «Закррито».

— Ловушка? — подумал Максим.

— Пройдемте? На ходу снимая длинный коричневый фартук, пригласила она Максима за стойку. Внутри оказался проход к винтовой лестнице, с высокими ступенями и бывшая врачиха Алла Сергеевна, а ныне владелица кофейни, стала быстро по ней подниматься, предоставляя идущему за ней Максиму прекрасный обзор на ее крепкие икры и изящные щиколотки. Лестница, к сожалению, Максима, быстро закончилась и открыв дверь, Алла провела Максима в большую освещенную комнату с мягким ковром на полу.

— Не раздевайтесь! — предупредила она движение Максима, пытавшегося снять ботинки, — проходите! — она указала на широкий диван того же типа, что был внизу в кафе, — Я сейчас.

Максим, сидя на холодной коже дивана, крутил головой, осматриваясь. Обычная квартира в старом фонде, ковры на полу, картины неизвестных художников в тяжелых рамах, большие дубовые двери и антикварная мебель. Алла вернулась в комнату уже в облегающем синем платье, расширяющимся книзу, еще более подчеркивающее ее точеную фигуру и точеные, словно из кости, ножки, обутые к синим туфлям в цвет. В руках она несла пузатую черную бутылку и два грушевидных бокала.

— Серьезный разговор! — сказала она, подняв и показав Максиму бутылку коньяку.

Максим не стал кобениться, что он за рулем, он замерз там внизу, а здесь было тепло и уютно, да и хозяйка была симпатичная. Он поувереннее уселся на диване и приготовился слушать.

Блондинка разлила по бокалам темно желтую тягучую жидкость и протянула один Максиму, тут же чокнувшись с ним своим и подняв бокал, предложила сначала выпить.

— А закусить? — спросил Максим

— Ммм! Не надо! — уже отпив немного от своего, пояснила блондинка. Максим осторожно глотнул напитка, коньяк был действительно очень мягкий и ароматный. Он сделал приличный глоток и откинулся на спинку дивана, приготовившись слушать:

— Ну, чего я не знаю и что должен знать? — Максим скрестил руки на груди.

Блондинка к тому времени уже сделала третий глоток из своего бокала, видимо набираясь смелости.

— Прежде всего я рада, что вы наконец встретились со своей Алиной! — в голосе ее мелькнула нотка ревности, — если что, я могу Вам ее адрес дать, на всякий случай! — и она вопросительно посмотрела Максиму в глаза.

— Но вы хотели рассказать мне что-то другое? Или нет? — Максим испытующе посмотрел прямо в глаза бывшей врачихи, она смутилась и опустила глаза.

— Я хотела бы поговорить с вами о вашем методе и последствиях для пациентов. Каких результатов вы достигли в своих ужасных экспериментах? —

— Да толком никаких, это был единственный случай, Максим подробно рассказал о своих предчувствиях и сновидении в тот самый день.

— На лицо была какая-то энергетическая связь с объектом, т.е. моя с Алиной. Вроде как она меня попросила о помощи через расстояние в несколько километров. Многое мне самому не ясно в этой истории, Максим снова взял бокал и отпил треть, наслаждаясь мягкостью напитка.

— Я вам расскажу, что произошло потом, когда вы ушли. — начала свой рассказ блондинка. Пациент Калинина находилась в предсмертном состоянии, рак с метастазами, без шансов, проводилась только обезболивающая и питательная терапия капельницами, она уже самостоятельно не могла ни есть, ни пить. Счет шел уже на часы и тут появились вы и вытащили ее с того света. Утром она встала, как ни в чем не бывало и самостоятельно пришла на стойку регистрации, чтобы узнать, как она тут оказалась. Мы ее быстренько перевели в реанимацию и назначили полное обследование. — блондинка снова глотнула из бокала.

— Ну и каков результат? — Максим, уже согретый коньяком, опустил руки и с интересом подался вперед.

— А результат более чем странный. Человек свободно дышит, говорит, передвигается, принимает пищу, ходит в туалет, а пульс у нее, между прочим, от 15 до 40 ударов в минуту, температура тела поэтому не более 28 градусов, причем давление 100 на 60 — более-менее приемлемое, а остальное всё аномальное. Она может не дышать пару минут абсолютно без последствий.

Вот такие дела, причем поступала она с совершенно нормальными человеческими параметрами. Я за ней наблюдаю уже много лет, у нее так ничего и не поменялось. Она даже несколько не постарела за эти годы. Получается она, страшно сказать, полу мертвец или полуживой человек. Поэтому я с спросила про другие случаи оживления вашим методом.

— Интересно! Интересно! — Максим покряхтел и положил ладони на стол, потом потер себе лоб и ухватил себя за подбородок, размышляя:

— Если гипотетически предположить существование у человека души, то получается у нас есть два варианта:

— Первый, что ее душа отлетела до начала процесса оживления и перед нами настоящий зомби, как пишут в художественной литературе и показывают в кино.

— Либо второй вариант, что я «высосал» ее душу вместе с болезнью и вылил ее в унитаз вместе с водой. Помните это странное облачко пара в ведре? — Максим зажмурился, вспоминая.

— Нет! -решительно возразила Алла Сергеевна, — вы не могли, как вы выразились, высосать душу!

— Вы же не Господь Бог! Хотя и произвели на меня неизгладимое впечатление на долгие годы.

— А анализы?

— Да какие анализы? Всё в норме! И что характерно, за все эти годы она ни разу не болела, даже простудой, даже Ковид ее не взял. — блондинка придвинулась к нему, — понимаете?

— А это точная информация? — Максим снова отпил с почти пустого бокала, а когда вернул его на место, блондинка снова наполнила ему его до краев, налив также и себе.

— Наклюкается! –решил про себя Максим, глядя как блондинка снова поднесла почти полный бокал к своим ярко красным губам. В голове его сплелись впечатления от встречи с Алиной и шок от полученной от врачихи информации.

— Так вы считаете, она ходячий мертвец? — Максим не мог свыкнуться с подобной мыслью

— Может хватит на сегодня о мертвецах? — Алла приблизила к нему своё лицо и посмотрела в глаза.

Максим, согревшись от коньяка и теплого света, расстегнул куртку.

— Да снимите вы ее, располагайтесь удобнее.

Но Максим отдернул обратно полы куртки, снова запахиваясь;

— Надо уже идти, поздно!

— Ваша жена не разрешает вам проводить вечера с чужими тетеньками? — Алла хитро сощурилась.

Максим на это лишь глубоко вздохнул.

Алла бесцеремонно взяла его руку с кольцом и стала ее разглядывать как хиромант. Вдруг она отбросила его руку и зло произнесла:

Врёшь ты всё, нет у тебя никакой жены! Какая порядочная жена выпустит мужа из дома в таких ботинках? — указав пальцем на поношенную обувь Максима, уже давно превратившуюся в бесформенные молдаванские постолы.

— Конечно это не ваши Джимми Чу, сохранив дистанцию обращением на Вы, он похвалил явно дорогие туфли собеседницы, — но это тоже что-то качественное и очень удобное. А по поводу одежды, вы правы, одежда на мне натурально горит, как вы могли лично убедиться.

Алла поджала губы.

— Скажите, а в каких случаях пульс у Алины увеличивается? — Максим вернулся в главной, как ему казалось, теме разговора.

— Господи, что за дундук? Рядом живая женщина сидит, теплая, а он всё про свою зомбачку ледяную спрашивает! На месте твоей жены я бы давно ушла от такого зануды!

Алла, закрыла ладонью себе рот и отвернулась, скрывая накатившуюся слезу. Максим взял ее за руку, повернул ладонью к себе и прижав к губам, поцеловал и зарылся лицом в её ладонь

— Я забыл сказать тебе спасибо! Ведь ты же спасла меня, не испугалась, не убежала, -говорил он ей сквозь её безвольно лежащую в его руках ладонь. Он поднял на нее глаза и прижал ее ладонь к своей щеке. Алла, у которой по щекам катились хрустальные детские слезы, второй рукой погладила Максима по седой голове,

Он привлек ее к себе, нежно целуя в мокрые щеки, глаза и наконец слился с ней губами в долгом поцелуе. Алла запрокинула голову, поддаваясь его движению и через секунду была при-

жата Максимом к дивану, сдавливаемая им в своих объятиях. Подол ее синего платья задрался, обнажив красивые колени и бедра. Ее изящные руки обвивали Максима за шею, голову и спину, с силой прижимая его к себе с глухими отрывистыми стонами. Максим скинул куртку и рубашку, торопливо ее расстегнув. Алла, издавая нетерпеливые стоны, впиваясь ему в спину ногтями. Максим, оставив ее лежать на спине, поднялся и задрал ей подол платья, потянул на себя трусики с колготками, обнажая Алле упругие бедра и высокий лобок, с полоской рыжеватых волос. Спустив колготки до колен, он со страстью провел руками ей по бедрам, приближаясь к лобку, затем приблизился и сам, прихватив поцелуем с прикусом лобок, с частью половых губ и клитором. Алла вскрикнула и приподняв голову, прижала обеими руками его голову к полоске волос на лобке. Максим языком раздвинул половые губы и найдя пульсирующий бугорок, начал дразнить его языком, нападая на него с разных сторон, то жестоко прикусывая зубами, то снова нежно лаская клитор языком. Алла рвала ему волосы на голове, металась, разметав волосы на кожаной подушке дивана и вскрикивала при укусах, кусая себе губы. Наконец она, оторвав его голову за волосы от своего клитора и выкрикнула:

— Хватит! Всё! Оставь! — оторопевшему Максиму, и сразу же:

— Иди ко мне!

Максим скинул джинсы и трусы, задрал ее ножки со спущенными колготками и туфлями вверх и придерживая из за каблучки туфель левой рукой, начал правой аккуратно вводить свой член между ее темных половых губ.

— А-ааа! — глаза Аллы расширились, рот перекося в крике: - А-ааа! — повторила она при его второй попытке.

— Стой! Большой! — она просунула руки, под живот Максима, помогая

— Ого-го! — столкнувшись рукой с его членом и осторожно взяв его, прошептала Алла. Улыбнувшись, она своими руками начала заправлять себе его «палку копченой колбасы»

— Ой-ей-ей! — ее ладонь уперлась ему в живот, впиваясь ногтями и останавливая: — не так быстро! — и начала дышать, как роженица, пока нетерпеливый Максим вдавливал в нее свой член.

— Охх! Нет! Выйди! — член зашел в Аллу на всю глубину. Но Максим вместо того, чтобы выйти совсем, вышел наполовину и снова с силой воткнул ей свой член. Полусогнутые ноги в туфлях резко выпрямились струной:

— Ай! Больно! Ай! Что ты делаешь?

Но Максим уже не слушал, вставляя и вставляя свою деревянную палку, терпя боль от ее ногтей на своих, прихваченных ею руках.

А! А! А! — размеренно в такт его толчкам, комментировала происходящее Алла, склонив голову набок и кусая себе губы. Член немного ослаб и любовникам открылись взаимные приятные ощущения. Член входил в Аллу до отказа, напоследок, проезжая по клитору, затем выходил из влагалища, чтобы тут же через секунду снова войти, ударив по клитору. Внезапно Алла забилась мелкой дрожью и громко задышала, кончая под ним, Максим что-то спросил, но она не ответила, улыбнувшись и закрыв глаза, показывая, что можно продолжать и тут же через 10 секунд разразилась повторным оргазмом, но уже с диким истошным криком и бурными конвульсиями под мужчиной. Минуту они лежали неподвижно друг на друге, только Алла время от времени содрогалась всем телом, этими мелкими короткими приступами дрожи, как будто вспоминая перенесенные оргазмы.

— Ты кончил? — спросила она. Максим покачал головой.

— Я тебе сейчас помогу! — сказала Алла слабым голосом. Вместо ответа, Максим сполз с ней с дивана, коленями на пол, на ходу разворачивая женщину к себе попкой. Алла тревожно следила за его действиями через плечо. Максим положил ей руку на талию, прижимая к дивану, а другой рукой уверенно ввел ей свой полутвердый член во влагалище.

А-аааа! Ойй! Охх! Ох! — затрахаеть, черт! — Ахх! Ой, бля! — Алла закусила себе кулак. Время от времени, она поднимала голову, с мучительным выражением лица и опутанную волосами и снова и снова роняла ее на диван, подвывая, как собака. Максим просунул руку ей под живот и коснулся пальцами клитора, теребя его.

Голова Аллы с криком подскочила, взметнув пшеничные волосы и началась трястись как в параличе, закатывая глаза и пуская слюну. Максим бурно кончил ей на попку, сжимая ее свободной рукой. Алла заработала еще 2 оргазма.

— Не надо было вынимать! Зачем? — она провела ладонью себе по пояснице, размазывая сперму. Максим помог ей салфетками со стола. Алла, перевернулась на спину и села на диване, оправив платье и снимая ненужные колготки, трусы и туфли. Максим хотел ей помастурбировать пальцем, но она закрылась рукой, отстранила его, показав рукой, чтоб сел рядом, Максим повиновался.

Алла откуда-то вытащила маленькую резинку для волос и убрала волосы в тугой хвост, обтерев рот салфеткой от остатков помады, она решительно наклонилась над обмякшим членом мужчины, схватив его пальцами с длинными розовыми ногтями.

Несколько раз шутливо чмокнув член в головку, она, не теряя времени, почти полностью проглотила мягкий член, придавливая его во рту языком к своим щекам раз за разом повторяя это движение, иногда просто упирая головку члена в щеку изнутри

В охватившем ее возбуждении, она то принималась яростно драть ему член, то принималась сосать, зажимая головку губами и прикусывая. Член снова начал расти и Алла, воспользовавшись бездействием Максима, опрокинула его на диван, напрыгнув сверху и сразу начала вставлять себе его член, морща лицо, когда загибалась ее плоть, мешающая проникновению. Наконец, загнав его полностью, она осторожно привстала с него и также осторожно опустила:

О-О-О-О! — раздался ее полновесный стон на всю квартиру, — Ох, блядь! Охх! — она начала плавно скакать на члене Максима, который не сводил с нее взгляда, оскалившись и держа ее за бедра.

Ох! Надо было тебя тогда сразу еще в больнице оседлать! Ох! - Алла, перемешивая слова и стоны, сдирала с себя платье и лифчик, показывая ему свои пухлые груди и откровенничала:

— Я как только в ванной увидела твои голые мускулистые руки со вздувшимися венами, как в анатомическом атласе, так сразу и потекла! Ох! Как последняя сука! Ох! Я бежала за тобой по коридору, держа себя одной рукой между ног, а другой... да, блядь! За стены! Ох! А ты не видел! Блядь, как классно! — Алла зажмурилась глазами и сжимала кулаки, прихватывая Максима за грудь.

— Да! Да! Да! О, да! Еще! Да! Даааа! О, черт! Да! — выдохнула она последний раз и рухнула на Максима

Так они лежали несколько минут, Максим гладил Аллу ладонью по спине и по голове. Прикинув к нему всем телом, она иногда поднимая голову и заглядывая ему в лицо, а потом, успокоенная, снова ложилась ему на грудь, выводя пальцем на его коже одной только ей ведомые узоры.

Не ходи к ней! — вдруг сказала она сурово, — не ходи, не встречайся, он не живая, это может плохо кончиться! — она привстала и положила ему ладонь на грудь, как бы приводя к присяге:

— Обещаешь?

Максим закрыл ненадолго глаза, как бы соглашаясь. Через три минуты они уже одевались, толкая друг друга, как дети, Максим помог застегнуть молнию на платье и совершенно открыто любовался согнувшейся перед ним женщиной, надевающей туфли. Алла распрямилась, откинув волосы назад и снова заплетя их резинкой в хвост, оправив платье и слилась в долгий поцелуй с ожидавшим этого Максимом. Со смешками, они осторожно спустились по винтовой лестнице на первый этаж. В полутьме Алла прижалась к Максиму попкой:

— Ох, как я сейчас хотела бы в попку!

Максим обнял ее, жестоко тиская ей грудь и лобок и прижимая к себе.

— Нет-нет! — выворачиваясь, пела Алла, — на сегодня хватит!

Максим развернул ее к себе и впился ей в губы, потом усадил ее ослабевшую на ступени лестницы и начал торопливо расстегивать ширинку, освобождая снова возбужденнейшей от слов и тела женщины член.

— Нет-нет! — протестовала она, но Максим, взяв ее за хвост волос левой рукой, правой начал пихать свой член в ее слабо сопротивляющийся рот. Помогая себе рукой, он ощутил невиданное возбуждение и через несколько секунд брызнул ей на лицо стремительной белой струей, додрачивая и подстанывая, Максим наградил Аллу белым жемчугом, застрявшим в волосах и двумя тяжелыми липкими и мутными дорожками спермы через всё лицо. Платье тоже оказалось всё в мокрых черных каплях, сперма попала Алле даже на обнажившиеся колени и бедра. Она сидела на ступеньке, закрыв один глаз, залитый спермой и расставленными, залитыми спермой руками, которыми она пыталась защититься от струй. Максим вдруг зарычал и повторно схватив Аллу за хвост, еще раз за десятка два фрикций кончил ей еще и в рот, одиноким плевком, ударившим ей в нёбо. Ноги Максима тряслись, последний оргазм практически лишил его сил и чтобы не упасть, он навалился на перила винтовой лестницы, хрипя и пытаясь восстановить дыхание. Алла поднялась, как была, с распростертыми руками, подошла к зеркалу, осмотрела себя и не открывая заспермленного глаза, по слогам произнесла:

— Ма-ла-дец! — и пошла к стойке искать салфетки

Максим отлепился от перил и не застегивая штанов прошел в туалет, где с наслаждением помочился в унитаз, с удовлетворением отмечая тугую мощную струю, бьющую в белый фаянс, говорящую, что подозрения на простатит были беспочвенны.

Застегнувшись и вымыв руки, он вышел в кафе, где ждала его Алла.

— О мой герой! — сказала она без тени сарказма, поцеловала его в губы, обхватив руками шею и проводила за дверь, сунув ему в руку визитку кофейни. Максим вышел в ночь.

— Не забывай меня, Максим Леонидыч! — крикнула ему на прощанье Алла и помахала рукой. Закрыв дверь кафе, она погасила свет и стала подниматься к себе по винтовой лестнице. Там, наверху, посреди ярко освещенной комнаты, она долго смотрела, прижав руки к груди на кожаный диван с морщинами и мокрыми пятнами от голых тел, пустые рюмки, задравшийся ковер и вдыхала запах бывшего здесь мужчины. Запечалившись, она пошла в сторону спальни, на ходу скидывая туфли и расстегивая запачканное платье. Через три минуты она уже поставляла свое оттраханное тело под горячие струи душа, лаская себе пальчиком клитор и сжимая соски.

В это время внизу в кофейне, в витражной стеклянной входной двери, вылетело, небольшое, с половину тетрадного листа стеклышко и со звоном упало на пол, разбившись вдребезги. В отверстии показалась рука в черной перчатке и стала шарить по двери в поисках защелки. Дверь распахнулась и в кафе зашла Алина Калинина. На ней было длинное черное пальто, из-под которого выглядывали при каждом шаге, высокие черные кожаные ботфорты на высокой шпильке. Прокравшись в темноте к лестнице и стуча каблуками, Алина поднялась на второй этаж, там она осмотрела диван, стол с пустыми стаканами и бутылкой и прошла дальше, прислушиваясь к шуму душа. В руке ее свисала к полу короткая бейсбольная бита. Шум душа прекратился, Алина поспешила укрыться за тяжелой оконной шторой.

Алла выскочила из душа, босиком, в толстом махровом халате, на ходу вытирая полотенцем волосы. Дойдя до стола, она бросила полотенце на диван и вдруг внезапно пригнулась. Какой-то тонкий, неуловимый запах появился в теплой комнате. Так обычно пахнет морозный воздух зимы, случайно ворвавшийся в помещение. Алла поежилась, но потом, скинув наваждение, принялась убирать бокалы и бутылку, которые отнесла на кухню, погасив в комнате свет. Алина вышла из-за шторы и на цыпочках прошла на середину комнаты. В квартире зашумел

фен, потом всё стихло, Алла сидела на кровати абсолютно голая и расчесывала себе волосы, время от времени сжимая себе грудь, видимо вспоминая пережитые оргазмы. Потом она легла на спину и не в силах сдержаться стала себе мастурбировать, глубоко засовывая пальцы себе во влагалище. Сначала негромко, потом всё сильнее она начала постанывать, постепенно переходя в сплошной стон, как будто она тянула одну какую-то высокую ноту, потом все это закончилось негромкими

— Да, да, о, да, Максим, Максиим, даааа!

Дергая ногами, она закусила согнутый указательный палец на руке. Еще немного подрожав, она затихла, расслабляясь и предвкушая сон.

Алина вступила в комнату стуча каблуками ботфорт. Она скинула на пол с плеч пальто и оставшись в коротком кожаном платье и ботфортах, подошла с битой к кровати

Алла еще лежала в истоме, закрыв глаза, когда чья-то железная ледяная рука схватила ее за горло. Алла, подскочив, увидела перед собой гневное бледное лицо Алины. Та перехватила ее за волосы и замахнувшись битой, издевательски спросила:

— Ну? Хорошо покувыркалась, подруга? — слово «подруга», Алина произнесла с максимальным пренебрежением

— Ничего не было! — защищаясь рукой, пропищала Алла, — не надо! — умоляюще добавила она

— Не было? — голос Алины вызвал звон подвесок хрустальной люстры, — скажи это пятнам на диване! — и Алина замахнулась повторно.

— Мы просто целовались! — продолжала врать Алла

Кого ты хочешь обмануть, сука?! Покажи мне свою развратную пизду! — подвески звенели на люстре не переставая.

Алина схватила подругу за ногу, пытаясь рассмотреть состояние половых губ

— Убери руку, сука! — Алина больно ткнула битой в закрывавшую влагалище ладонь Аллы. Как и следовало ожидать, губы и края влагалища были у Аллы серьезно нагружены мужским членом

— Вот значит как?- заревела Алина, вызывая хрустальный звон.

Подруженька! Подруженька? — Алина сумбурно наносила удары по лежащей Алле битой, стараясь попасть по голове. Алла слабо закричала, защищаясь руками, но кто мог услышать ее слабые крики в этом странном обособленном 2х этажном флигеле на одну квартиру. По лицу Аллы уже струилась кровь, она почти не защищалась, оглушенная. Алина перехватила битку;

— Так он тебя трахал? Так? — стала она безжалостно пихать рукоятку биты Алле во влагалище. Алла извивалась на окровавленной кровати, но страх парализовал ее волю, и она могла только умолять, что было абсолютно бесполезно. Наиздевавшись над подругой, Алина оставила ее на время и когда та в изнеможении откинула голову, подставив висок, нанесла смертельный удар. Она видела, как последний раз дернулось голое тело Аллы, как проломилась кость, и вырвавшаяся кровь стала заливать голову и грудь Аллы. Отбросив битку, она бросилась на край кровати и заревела, закрыв лицо руками

Через пару дней, выкроив свободное время наш Максим ехал в сторону Аллиной кофейни, вспоминая ее ласки и тело, иногда потрагивая себя внизу. Он не стал звонить в кафе, т.к. решил сделать сюрприз. Рядом на сиденье качался и хрустел целлофаном букет желтых хризантем. Подойдя к двери, он с удивлением посмотрел на табличку ЗАКРЫТО на двери и подергав дверь, полез в карман за телефоном

— О, господин захотел еще раз капучино?

Максим обернулся и вздрогнул — сзади стояла Алина в расстегнутом длинном черном пальто, под которым виднелось короткое кожаное платье и высокие ботфорты.

— Прошу! — откинув табличку, она просунула руку в дырку и открыла дверь перед оторопевшим Максимом.

Максим вступил в темное холодное кафе:

— А где Алла? — спросил он

— Терпение, любовь моя, ты скоро ее увидишь! Цветы? Мне? Как мило! Она забрала у него букет и стала подниматься по винтовой лестнице, показывая Максиму обтянутые кожей икры и блестящие каблуки своих сапог. Поднявшись в верхнюю комнату, Максим стал искать выключатель, но Алина предупредила его:

— Не надо зажигать свет, не будет того эффекта!

В полутьме комнаты она подвела его к большому прозрачному холодильнику, в таких обычно в магазинах стоит лимонад, торты или пирожные.

Ты хотел видеть Аллу! — Алина засунула руку за холодильник и включила в нем свет

Максим отшатнулся, вскрикнув, увидев вместо лимонада или пива голую, окровавленную Аллу, засунутую в холодильник и прислоненную к стенке

— Вот, сохранила для тебя, чтоб не испортилась! — голос Алины звучал с насмешкой

— Ну что, трахать будем или смотреть? — издевательски спросила Алина. Максим вдруг всё осознав, бросился на выход.

— Куда ты любимый? — настигнув его около лестницы, она ударила его битой, целясь в голову, но Максим наклонился и удар пришелся по шейным позвонкам. Максим повис на перилах, Алина вытащила его на середину комнаты и начала раздевать догола. Максим очнулся от боли в голове и почему-то в члене. Он лежал абсолютно голый на полу, почему то не в состоянии двигать ни рукой ни ногой, ни головой и мог только смотреть, как Алина надевает на его уже вставший член одну за одной канцелярские резинки, складывая их вчетверо. Член набухал рос, натягивая кожу и наливаясь кровью. Наконец Алина решила, что резинок достаточно и раскорячившись, будто собираясь пописать, стала присаживаться ему на член, направляя его своей ледяной рукой в свое холодное влагалище. Член вошел быстро и беспрепятственно, поместившись целиком, несмотря на свои внушительные размеры.

— О-ооо! Наконец то! Ты мой, только мой! — рычала Алина, яростно насаживаясь на его член.

— Да! Да! Именно этого я хотела столько лет! Да, сука, да! — Алино яростно прыгала на мужчине стараясь как можно скорее достичь оргазма, но он всё не приходил, то ускользая из ее сознания, то снова неумолимо приближаясь. Тело ее наконец согрелось от яростных скачков, и она забилась в судорогах вдруг остановившись на полдороге, опираясь на руки, чтобы не упасть. Дикая боль в члене должна была вызвать у Максима истошный крик, но он не мог издать ни звука, бесшумно открывая рот. Видимо Алина раздробила ему битой шейные позвонки. Странно, что он всё видел и слышал, но не мог пошевелиться и еще чудовищная боль в члене. Алина, соскочив с его конца, набросилась на огромный бордовый торчащий член, кусая его и облизывая. Все попытки её подрочить, доставляли Максиму еще больше страданий. Наконец она снова уселась ему на член и извиваясь на нем бедрами, стала мастурбировать себе рукой в перчатке. Оргазмы у нее следовали один за другим, сливаясь в сплошные судорожные подергивания. Наклонившись над лицом Максима и почти касаясь его кончиками кудрявых волос, она пошла на очередной оргазм, из ее перекошенного в красной помаде рта на Максима непрерывной прозрачной струей текла ее слюна, заливая ему глаза. Её же глаза, прилизывали Максима красным огнем, сквозь спутанные кудряшки волос. И тут Максим почувствовал, как по его мочеиспускательному каналу стремительно потекла огненная струя, больно обдирая стенки. Никакого оргазма он не чувствовал, только сильную давящую боль в члене и огонь этой струи спермы последнего в его жизни оргазма. Алина подняла голову, победно осматривая поверженного Максима и ощущая тугие струи горячей спермы, бьющие ей во влагалище. В полутьме комнаты, она вдруг отчетливо заметила на шее Максима тугую пульсирую-

щую жилку. Наклонившись, чтобы рассмотреть ее поближе она, рассмотрев эту вену, перевела взгляд на лицо Максима, заглядывая в глаза. Она погладила его по волосам, по щеке, тронула пальцем губы и вдруг приникла к нему в прощальном поцелуе.

— Она не дышит! Она не дышит! — вдруг сообразил Максим. Алина повернула его голову набок и вцепилась зубами в пульсирующую вену на шее мужчины.

— А-ААААААААА! — внезапно вырвался из открывшегося рта полный ужаса мужской крик.

— А-ааааа! — снова закричал Максим, борясь за свою жизнь. Но третий его крик потонул в его хрипе и каком-то бульканье. Он лежал неподвижно, безжизненно глядя в вверх, потом вдруг взлетел к потолку, воздушный и легкий. Повернувшись, он осмотрел сверху комнату с лежащим на полу голым мужчиной и сидящей на нем черной фигурой. Без боли и с каким-то легким сожалением, он вылетел из комнаты, сквозь закрытое окно и скрылся из виду, невесомый и невидимый.

Внизу какие-то люди ломали дверь в кафе, привлеченные его криками. Алина вытерла окровавленный рот и поправив прическу, картинно прилегла рядом с телом Максима, разведя свои голые ноги в красивых черных ботфортах.

Пожилой дежурный патологоанатом Семён сидел в своей каморке, перелистывая на смартфоне ролики с порнофильмами, ища что-нибудь забористое. Раздался звонок, он с сожалением отложил смартфон и пошел встречать.

— Сегодня сразу трое! — радостно приветствовали его работники машины СПЕЦИАЛЬНАЯ, затаскивая вместе с холодным ночным воздухом носилки с покрытыми простынями трупами.

— Двоих даже не надо раздевать, видимо оргия была крутая.

Закрыв за ними дверь, патологоанатом Семён надел перчатки и подошел к первому столу.

Под простыней лежал абсолютно голый пожилой мужчина с усами, синим толстым членом и прокушенным горлом.

На другом столе лежала голая полноватая женщина средних лет с отличной фигурой, прекрасными аппетитными грудями и ножками. Лицо и всё тело женщины были залиты уже засохшей кровью и непонятно, симпатичная она или нет. ЕЕ пшеничные белокурые волосы были сбиты в окровавленный клубок. Семен закрыл ее простыней и перешел к третьему столу.

Откинув простыню, он остолбенел. Перед ним лежала, как живая, порно модель его мечты, в коротком кожаном платье и ботфортах. Лицо женщины, ее шея и бедра, были как будто вырезаны из слоновой кости, настолько безупречные в режущем глаз свете диодных светильников. Заглянув в лицо в безупречном вечернем макияже, Семен вздрогнул, почувствовав возбуждение. Рукой в перчатке, он осторожно погладил женщину по щеке, убирая прилипшие волнистые волосы:

— Красотка! — восхитился он вслух, не в силах сдержаться, он положил ей ладонь на тугое бедро и его снова передернуло от возбуждения.

— Тёпленькая еще!

Схватив себя через штаны левой рукою за набухший член, правую он повел по ноге под кожаный подол платья и удивился, наткнувшись на голый лобок. Расстегнув ей на груди застежки платья, он обнажил ей грудь и живот. Провел медленно пальцем от точки между небольших грудей до лобка, как бы производя разрез и тут же застонав, и сжав свой член рукой, нагло засунул свой палец во влагалище лежащей женщины.

— Ах, бя! — влагалище было полно загустевшей липкой спермы. Он вытащил руку из ее пизды, продолжая себя сжимать внизу. Вытащив запачканную руку в перчатке, он взял маленькую пустую пробирку и собрал с перчатки образец спермы. Убрав пробирку, он взял сразу несколько салфеток и свернув их в трубку, стал очищать влагалище незнакомки от спермы. Достигнув результата, патологоанатом Семен повел себя странно. Расстегнув штаны и надев

на небольшой кривой член черный приготовленный презерватив, он полез на нержавеющей стол, забравшись сверху на женщину. Раздвинув ей ноги, он завозился на ней, вставляя свой член. Потом Семен начал трахать привезенное ему тело, держа его за грудь и смешно подпрыгивая на нем. Повозившись несколько минут, он скатился с женщины и подойдя в спущенных штанах к изголовью, стал дрочить ей на лицо, придерживая ее за волосы и сорвав презерватив.

Алина приоткрыла глаза, над ней наклонился какой-то пожилой мужик в очках и зеленом медицинском колпаке и халате и дрочил ей на лицо.

— Закрой глаза и просто потерпи! — прозвучал в ее голове голос одного из ее бывших мужей, любившего подобные извращения. Алина закрыла глаза, дожидаясь финала. Горячая желтая сперма брызнула ей в глаз и на лицо. Она непроизвольно дернулась и приоткрыла чистый глаз.

Извращенец- патологоанатом уже размазывал ей остатки спермы по губам, постанывая от наслаждения.

— Наконец то! —с облегчением подумала Алина.

Семен что-то вспомнил и пошел в каморку за смартфоном, желая сделать фотографии мертвой красотки на память. По пути он зашел в сортир и долго с наслаждением ссал в грязное очко.

Алина встала со стола, вытерла свое лицо салфеткой.

Подойдя к столу с мертвым Максимом, она погладила его по голове и поцеловала в запекшиеся губы.

— Я рожу от тебя сына и назову его Максимом! Он вырастет и станет моим любовником! Только моим! Моим Максимом! Я знаю, что никогда не постарею! Это ты сделал меня такой! Прощай!- прошептала, склонившись к уху мертвеца.

Затем она подошла к грудке вещей, лежащих на полу, и вытащила из нее свое черное пальто. Запахнувшись в пальто, она безошибочно прошла к двери и выйдя на улицу, растворилась в ночи. Непойманная и неузнанная.

В громадных черных и мокрых вязях старого кладбища каркали бесчисленные вороны, по узкой дорожке с лужами и грязью осторожно шла высокая красивая женщина лет сорока, в длинном черном пальто и платке, следом за ней пробирался между луж высокий, стройный парень лет двадцати с буйной шевелюрой черных волос на голове, его пальто было расстегнуто, руки он держал в карманах, балансируя по грязи и растерянно глядя по сторонам. Наконец женщина в черном остановилась и стала пробираться между заваленных талым грязным снегом могил внутрь кладбищенского квартала. Она дошла до замшелого бетонного памятника, на котором было написано ПАНИН МАКСИМ ЛЕОНИДОВИЧ. Овальная эмалированная фотография, отпав от бетона, лежала в снегу. Осторожно ступая по снегу, женщина добралась до нее и подняв, обтерла изображение рукой в перчатке и поцеловала. Осторожно поставив фото к основанию памятника, она сказала подошедшему юноше:

— Это здесь! Вот он! Посмотри!

— Это мой отец? — склонился над памятником юноша, утопая ботинками в снегу.

— Как видишь, вы похожи! — женщина достала из сумки платок, утирая глаза и нос.

— Мам, а от чего он умер?

— Сердце, я же тебе говорила! И зови меня пожалуйста Алина Михайловна! Я устала тебе напоминать! — женщина высморкалась в платок и пошла от могилы прочь, пошатываясь как пьяная.

Молодой человек подскочил и подхватил ее под локоть!

— Спасибо, Максим, мне уже лучше! —погладила она его по ладони. Они пошли, держась за руки до черной машины, ждавшей их на перекрестке кладбищенских дорог. Над могилой же Максима Панина остались только вечные вороны, каркающие в высоких черных вязях.

Глава вторая жизненная

Эпиграф:

«Девушки, вы должны знать главное, у вашего мужчины в 99 процентах случаях была „Первая любовь“.

И вы обречены на сравнение! Не будьте дурами, будьте лучше! Любите сильнее! Ревность убивает! Любовь возрождает! Берегите своего мужчину! Он раним! Он может быть слаб в эти мгновения воспоминаний своего призрачного прошлого! Не дайте ему погрузиться в воспоминания своей ревностью. Отвлеките его! Не давите на него! Удачи вам, милые!»

Галина с детства пользовалась вниманием мужчин. Рожденная в страстном союзе жгучей грузинки и статного х* хла, она получила от родителей черные как смоль глаза и волосы, широкие скулы, изящные прямые ручки и ножки, задорную улыбку и веселый нрав. Когда она, еще ребенком ходила с отцом на местный рынок своего родного южного города, продавцы в больших кепках цокали языками и в шутку предлагали отцу за дочку двадцать пять баранов и всегда угощали девочку самыми лучшими персиками и абрикосами. А одноногий мрачный продавец самодельных леденцов на палочке, стоящий при входе, всегда давал при встрече ей бесплатный леденец со словами:

— О, моя прекрасная принцесса! Прошу вас!

Отец на всю эту суету хмурился, но самодовольная улыбка все равно вылезала на его лице.

В 14 лет в тенистой мандариновой роще ее прижал к дереву нравившийся ей мальчик Костя. Его неумелые поцелуи почти не оставили следа в ее душе, но его нежные трепетные пальцы, коснувшиеся ее лобка сквозь тонкое платье и трусики, разбудили в ней демонов. В семнадцать лет он соблазнил ее, но был нежен и никогда не забывал порадовать девочку множественными оргазмами, теребя ей нетерпеливой рукой клитор и сжимая уже сформировавшиеся груди. Галина была на седьмом небе, наслаждаясь ощущениями взрослой жизни. Скоро они расстались, она недолго погоревала, т.к. судьба перенесла ее далеко-далеко, в северный город Ленинград, где она погрузилась в бурную студенческую жизнь, среди огромного количества разнообразных парней, которые так и вертелись рядом с высокой черноволосой девушкой, готовые пасть перед ней на колени за один только поцелуй. Но не успевал счастливец, который получив от Галины знак королевского внимания уже в тайне пометчат, как прижать ее к себе с вожделением, как видел, что она уже благосклонно принимает речи другого соискателя и тоже дарит ему свой дружеский поцелуй. Галина купалась в обилии мальчишек, не желая никому отдавать предпочтение, выбирая, оценивая и проверяя, не доверяя первому впечатлению. Кавалеры делились на три категории:

Первая — «Немедленно жениться!»

Вторая — «Надо потрахаться, а потом может и жениться!»

Третья — «Тайные воздыхатели», которые внешне были полностью равнодушны, но глаза их горели тайным желанием, как у маньяков.

Две первых категории постоянно осыпали Галину комплиментами, подарками различной степени ценности и вздыхали, вздыхали, вздыхали от вожделения, показывая, как они жаждут ее и трепещут! Галина относилась к ним с внутренним равнодушием, таких у нее всегда было полно. Она искала в мужчинах какой-то надежности, глубины и спокойствия, когда можно было быть собой и грустить, когда грустно, веселиться, когда действительно весело, а не изображать из себя постоянно фонтан веселья и жажды развлечений, слушая иногда тупейшие шутки ухажеров. Тайные воздыхатели ее вовсе не интересовали, она не любила нерешительных мужчин.

И вот однажды в ее судьбе появился он, странный невзрачный очкарик. Появился он странно, в два этапа, на первом этапе он просто пригласил ее на обычный медленный танец в актовом зале на дискотеке, где они и познакомились. Вадим, так звали нашего героя, оказался немногословен, спросил, как зовут, представился, дальнейших подробностей разговора Галина и не помнила, зато она на всю жизнь запомнила их вторую встречу. В конце первого семестра, она наконец-то отрезала свои длинные вьющиеся до попы волосы, заменив их короткой прической, что было в условиях общаги довольно практично, т.к. уход за длинной гривой занимал много времени и в большом городе, как быстро сообразила Галина, такие длинные волосы выдавали провинциалок, поэтому она действовала решительно и несмотря на мольбы парикмахерши, решительно приказала все отрезать. Вернувшись в общагу с легкой головой, она столкнулась в дверях с Вадимом. Но записанный ей в «тайные воздыхатели», парень, вместо того, чтобы просто скромно поздороваться, буквально взревел, как от боли! Он схватил ее за руку и вместо приветствия больно дернул, возопив на весь коридор:

— Что ты наделала? Зачем ты остригла свои прекрасные волосы? Посмотри, на кого ты теперь похожа! У тебя ум есть какой-нибудь! Посмотри на себя! Нет ты только посмотри на себя!- он подтащил ее к пыльному коридорному сталинскому зеркалу в пол и тыкнул в него, указывая на ее голову. Растерянная Галина смотрела на себя в зеркало и только сейчас она поняла, что вместо роскошной красавицы с черными кудрями по плечам на нее из зеркала смотрела какая-то Андже́ла Девис с нелепой копной на голове, которая ещё десять минут назад ей так безумно нравилась в парикмахерской. Она ошарашена от этих неожиданных обвинений и оскорблений, с которыми она никогда не сталкивалась, всю жизнь купаясь в сплошных комплиментах.

— Всё! С этого дня я беру на себя контроль за тобой!- уверенно прогремел Вадим. Галина ошалело поглядела на него, но ничего не сказала, т.к. недавний занюханный очкарик был прекрасен в своем откровенном гневе, в котором звучала какая-то невероятная забота, а в его черных глазах сейчас светилась такая страсть, любовь и обожание, что Галину будто сразила молния. Оторопев, она дала себя отвести за руку в комнату Вадима, где он взял с нее клятву более не прикасаться к своим волосам и не делать никаких предрассудительных шагов без его ведома. Галина растерянно кивала, не понимая, как она попала под влияние этого совершенно незнакомого мужчины. На следующий день, она ждала от Вадима их новой встречи, но он не появился, не пришел он и потом, что было странно. Привыкшая к постоянному вниманию кавалеров, Галина находилась в полной растерянности по поводу манеры общения Вадима с ней. Он появился внезапно, в воскресенье.

— Вставай, засоня, мы едем кататься на коньках в ЦПКО!- объявил он с порога ее комнаты, распулав громким голосом ее соседок, глядящих на него с неммым восторгом из-за одеял.

Через полчаса они уже тряслись в гремящем промерзлом трамвае. Вадим что-то ей рассказывал увлеченно, а она не слушала его, неприкрыто и откровенно его разглядывая, удивляясь своему выбору кавалера. Она не спросила, почему его не было два дня, т.к. его появление и все эти сборы на каток, сбили ее и она позабыла задать все свои язвительные вопросы, лучась восторженными глазами на Вадима, что-то рассказывающего и увлеченно размахивая руками. Что-то было во внешности этого парня важное для нее, в его голосе, в этом взгляде черных глаз. Трамвай, гремя всеми суставами докатился до конечной остановки и встал, ревя компрессорами, открыв двери в не менее промерзлый мир. Вадим спрыгнул на заснеженный гравий. Остановки не было, строители вырыли на ее месте глубокую яму и удовлетворенные, в этот выходной день, грелись по домам.

— Прыгай ко мне, Галчонок! — Вадим, стоя внизу распахнул объятия, - я тебя поймаю!

— Что? Галчонок? — пронеслось в голове Галины, она хотела оскорбиться, но повинувшись какому-то необъяснимому чувству, она прыгнула с трамвайной подножки вниз, прямо в объятия Вадима. Тот поймал ее под мышки, покачнулся, но устоял.

— Сильный какой!- подумала Галина, задержавшись в его руках и ожидая поцелуя, но поцелуя не последовало, Вадим поднял ее и легко поставил на край канавы, затем выбрался сам. Оглянувшись на канаву, они взялись за руки, как дети и пошли в сторону главного входа в парк.

Выросшая в черноморском городе, Галина в жизни не каталась ни на санках, ни на лыжах, а лед и коньки для нее были чем-то видимом только по телевизору, во время трансляций фигурного катания. Она храбро надела эти уродские ботинки с коньками, что выдавали в пунктах советского проката, такие же уродцы уже были на ногах Вадима. Тридцать минут они ковыляли по неровному льду, качаясь и давясь от смеха, пытаясь хоть как-то кататься, а на обратной дороге просто дойти до дверей проката, т.к. ноги их подгибались и не слушались. Но никогда Галине не было так весело, легко и свободно, она почему-то не боялась выглядеть смешной и нелепой в глазах своего нового кавалера. Завалившись на скамейку, она наблюдала, как Вадим пытается развязать на ее коньках задубевшие черные замороженные шнурки. Скинув коньки, она ощутила, как заledenели ее ноги, но у Вадима уже был на этот счет хитрый план, сев у нее в ноги, он задрал на себе свитер и приложил ее ледяные ступни прямо к своему горячему животу. Галина обомлела, такого странного тактильного контакта у нее ни с кем никогда еще не было. Ноги ее на глазах наливались теплом, восстанавливая кровообращение и уже через пять минут не осталось никаких воспоминаний об обморожении. Вадим надел ей носки и ее теплые зимние сапоги, в которые он заботливо подышал, т.к. они стояли на морозе в ожидании, пока люди накатаются. Вадим застегнул ей молнию и удовлетворенно посмотрел ей в лицо. Глаза Галины сияли от восторга, яркий морозный румянец смешался с румянцем от удовольствия. Вадим встал и протянул руку Гале, подняв ее со скамейки. Она закрыла глаза в ожидании поцелуя, но поцелуя опять не последовало:

— Пошли, чего ты? — Вадим потянул ее к выходу. В трамвае она села у окна, попивая из пластиковой кружки заботливо приготовленный Вадимом горячий чай из термоса, и смотря в окно, думала о странностях его поведения.

— Почему он ее не целует? Она ему неприятна? Нет! Он смотрит с любовью! А еще этот Галчонок! Галчоооонок! — про себя проговаривала она, свыкаясь с новым своим именем, — Смешно! — кавалеры звали ее принцессой, королевой, богиней, беспрестанно лезли со своими поцелуями и тут хлоп, — Ты — Галчонок! Смешно! — она улыбалась в окно своим мыслям. В трамвай набились лыжники и он, заскрипев корпусом, наконец тронулся с этой промерзшей остановки.

Всю дорогу Галина грела руки о кружку, молчала и смотрела в окно. Вадим тоже ничего не говорил. Они вышли на своей остановке и молча дошли до двери общаги. Галина остановилась перед дверями и вернув наконец Вадиму его кружку, произнесла:

— Спасибо, мне еще никогда не было так весело и хорошо! Спасибо! — она осторожно приблизилась, надеясь на поцелуй, но Вадим дружески потрепал ее по плечу, как своего приятеля:

— Рад, что тебе понравилось! В следующий раз придумаем еще чего-нибудь! — и открыл перед ней тяжелую дубовую дверь, пропуская вперед. Опустив глаза и обиженная, и разочарованная, она проскользнула в дверь, потом мимо вахты и не оборачиваясь стала подниматься к себе на этаж. Вадим шел следом, и она его чувствовала, в первый раз она чувствовала близость мужчины, который был ей небезынтересен. Другие же по ощущениям, были для неё не более чем мебелью. Свыкаясь с новым чувством и держась за перила, она поднялась до четвертого и обернувшись сказала без надежды:

— До встречи! — но Вадим лишь приветливо махнул рукой, удаляясь по коридору. Поднявшись к себе, намывшись в душе и напившись горячего чая, она забралась в кровать и свернувшись в клубок под одеялом замерла со своими тревожными мыслями. Соседки по комнате доставали ее расспросами:

— Ну как? Ну как? — обычно она рассказывала подругам про всех своих кавалеров, но этот случай был уникальный в череде ее свиданий с мужчинами, и она никому ничего не сказала, сославшись на усталость. Закрыв глаза, она вновь и вновь вспоминала эти моменты касаний с Вадимом и мучительно морща лоб не понимала, почему он ее не поцеловал. В нем не было подростковой стеснительности, он не целовал ее намеренно, но по какой причине, было для нее непонятно. В тревожных предположениях она уснула, согревшись под одеялом и вспомнив, как он согрел ей замерзшие ноги.

Потом они ходили в кино, гуляли в парках, он учил ее кататься на модном тогда скейте. В их жизни было столько моментов для простого поцелуя, но Вадим всегда ускользал, отстранялся, как бы не понимая. Не встречая этой поцелуйной поддержки и не слыша слов любви, Галина постепенно охладевала к их отношениям, стараясь больше общаться с другими молодыми людьми, так прошел год, затем еще один. Их встречи стали совсем редки, Галина сама приходила к Вадиму, не надеясь, что он вспомнит про нее и звала куда-нибудь. Чаще всего он отказывался, ссылаясь на занятость, но иногда они проводили день где-нибудь в Павловске и Галина после этого летала, как на крыльях. Она не могла объяснить себе это чувство, ведь они просто бродили по аллеям, собирали листья, болтали ни о чем, держась за руки. Однажды они целую неделю просидели в учебке голова к голове, Галине был задан сложный курсовик с глубоким уклоном в специфику факультета, на котором обучался Вадим. Он терпеливо помогал, подробно объяснял и наконец-то хвалил ее за правильные решения. Она вся светилась от счастья, добившись от него похвалы.

Как-то зимой, когда уже стемнело, Галина возвращалась из института, падал снег, горели фонари, и вся земля, деревья и кусты сказочно сверкали снежными искрами как вдруг, она увидела идущего ей навстречу Вадима. Он быстро приблизился и снежные искры разлетались у него из-под ног морскими волнами. Галина замерла в предчувствии какого-то волшебства, и оно случилось. Дойдя до нее, он схватил ее прямо в тяжелой шубе и подняв над собой, закружил в этом снежном алмазном вихре и свете фонарей. Всё что она видела — это сверкающие восторгом его глаза в круговороте снежных искр и сама она сейчас улыбалась своей неповторимой солнечной улыбкой, не сводя с него своих сияющих глаз. Кружение оборвалось, Вадим поставил ее на землю, она покачнулась, закрыв глаза и приложив к ним руку, ожидая долгожданного поцелуя, но Вадим ничего не сделал и ничего не сказал, только смотрел на нее своими восторженными глазами и не отпускал ее. Наконец он убрал руки и не дождавшись поцелуя, Галя шагнула в сторону, отстраняясь. Вадим не препятствовал, не сводя с нее глаз. Держа руку у головы, будто она у нее кружится, Галя на ватных ногах пошла прочь. Слезы накатывались ей на глаза, но она решительно уходила от этого странного мужика, заморочившего ей голову. Четыре дня до воскресенья она прожила в страхе. — -- Вдруг он придет с букетом и сделает предложение! — она не знала, что ответить. В воскресенье Вадим как ни в чем не бывало потащил ее в Эрмитаж. Бродя по залам, она любовалась красотой интерьеров и статуй, но сердце ее было не на месте. Это загадочное волшебное кружение выбило ее из колеи, и она снова заиклилась на Вадиме, отбросив мысли о других парнях. Стоя на эскалаторе метро, она боролась с желанием самой впитаться в него поцелуем, но Вадима окружал какой-то невидимый ей барьер. Можно положить было руки ему на плечи, но приблизиться лицом было страшно. Она боялась отказа, ей казалось, что его отказ будет для нее унизителен. Поэтому она решила дать Вадиму еще немного времени. Летом Вадим уехал на два месяца на практику, и они не виделись. Галя оставалась в городе и жила в общежитии. Как-то проверяя почту в этих советских деревянных клетках, она наткнулась на письмо для нее из неизвестного города. Посмотрев имя отправителя, она чуть не запрыгала, как маленькая. Никому ничего не сказав, она заперлась в пустой комнате и стала читать.

— Милый Галчонок! — Галя сглотнула рванувшие из нее слезы, письмо содержало признание в любви Вадима к ней, в таких словах и оборотах, что даже в самых крутых любовных

романах не встретишь. Галя трясло от возбуждения, она снова и снова, уже вслух перечитывала отдельные строки и прижав мокрый от слез кулак к щеке, снова принималась рыдать. Это были слезы облегчения, означающие конец ее неопределенности и изменения ее статуса, как девушки, теперь окончательно и бесповоротно. Кончив читать и шмыгая носом, она вытирала эти слезы счастья и улыбалась. С этого момента она стала проверять свою почту в клетку два, а то и три раза в день и как-то в августе она достала из ячейки долгожданную записку от него. В отличии от Галины, живущей каждый год в разных общажных комнатах по прихоти студсовета, Вадим уже три года жил в одной и той же, как старшекурсник. Она летела вниз по лестнице, как на крыльях, вылетев из-за поворота, она увидела Вадима, стоящего у окна и вытянув к нему руки, побежала, как ребенок, играющий в самолет. С размаху врзалась в него и пока он не успел опомниться, бросилась его целовать как-то по-детски, неумело, прижимая его голову к себе. Она прижалась что есть силы щекой к его щеке и замерла, закрыв глаза. Вадим отодвинул ее от себя рассматривая:

— Вот и ты! Вот и ты!- сказал он, разглядывая её с такой нежностью, что Гале захотелось расплакаться. Они прошли в комнату и сели на кровать, держа друг друга за руки. Вспомнив что-то Вадим вскочил и пошарив в сумке достал ей какие-то сувениры и подарки, она благодарилась не глядя на них, не слушая его, потому что не сводила с него своих сверкающих глаз, ожидая предложения руки и сердца. Но Вадим что-то рассказывал про город, где был и еще много всего неинтересного для Гали, не касаясь самого важного.

— Мне так спокойно с тобой!- вдруг сказала она, взяв его за руку. Вадим прервал свою речь на полуслове и немного смутившись и кашлянув, продолжил опять что-то говорить, избегая этих самых сокровенных слов про любовь.

— Как сегодня уезжаешь? — Галя подскочила на кровати, залезла на нее с ногами, как бы захватывая ее и села снова, поджав под себя ноги. Она вдруг узнала, что вместо того, чтобы провести с ней весь август в пустой общаге, когда можно было бы жить вместе в одной комнате, это парень, признавший

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.